

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Чэнь Пэйцзюнь на тему: «Стиль научных трудов Н.Я. Бичурина (“Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение”))», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – русский язык

В рамках направления, обращенного к изучению научного стиля, данное сочинение занимает особое место, и для такой точки зрения есть веские основания. Во-первых, автором рассматриваются стилевые черты трудов Н.Я. Бичурина, характерные для этнографической науки, имевшей, несомненно, свои особенности, определяемые как ее объектом в целом, так и эпохой, к которой они принадлежали. Важно, что диссертантом принимаются во внимание различные факторы, которые стимулировали и определяли развитие этого стиля – активизация интереса к познанию, создание географических обществ, развитие в первой половине 19 в. науки и просветительской деятельности, популярность издаваемых материалов этнографического содержания и проч.

Во-вторых, сложный процесс становления научного стиля в целом определялся во многом особенностями русского литературного языка того периода, с одной стороны, с другой же – на формирование идиостиля исследователя оказывали влияние и изначальное отсутствие литературного и научного опыта, длительное пребывание в Китае, чьи культура и традиции, особенности быта, топонимика и грамматика стали не только предметом изучения и описания. Его увлеченность и энтузиазм проявились в многочисленных публикациях, освещающих жизнь Китая, в полемике с западными учеными, в беспримерном служении этнографической науке.

Не будучи человеком науки, но обладая выразительным стилем и ставя перед собой просветительские задачи, Бичурин искал свою собственную манеру изложения. Это делает оправданной и актуальной поставленную диссертантом цель исследования его языка и стиля – хотя, на наш взгляд, это во многом не цель, а инструмент, средство получения представления о том, насколько язык его произведений является проявлением типичности процессов, наблюдаемых в соответствующую эпоху в литературном языке, в языке научной и, в частности, этнографической литературы, насколько он испытывает влияние со стороны

публицистического стиля, а в какой степени он является самобытным и оказавшим влияние на стилистику научной речи XIX века. Эта работа, несомненно, вносит вклад в разработку проблем исторической стилистики, которые остаются по-прежнему актуальными, в том числе – в аспекте научного стиля речи, располагающего, как пишет Чэнь Пэйцзюнь, немногочисленными данными о стиле других авторов первой половины XIX в.

Полнота освещения заявленной проблемы и достоверность выводов диссертанта гарантируются охватом разнообразных теоретических аспектов, разрабатываемых в основополагающих трудах российских и китайских ученых, важных для понимания специфики предмета, и применением результатов их наблюдений при анализе исследуемого материала. В поле зрения исследователя входят важные в качестве исходных позиций вопросы о состоянии этнографической науки и характере языка научных произведений первой половины XIX в. – особенно их лексического состава, роль и место Бичурина в формировании русской этнографической науки, проблема идиостиля в научной литературе.

Являя собой образец научно-этнографического стиля на фоне в целом языка определенной эпохи и охватывая значительный период, произведения Н.Я. Бичурина позволяют Чэнь Пэйцзюнь судить о том, как именно происходит формирование его идиостиля, отличного от стиля научных трудов других авторов, в чем состоит его эволюция. Здесь представляются важными отмеченные диссертантом черты, общие для научных сочинений Бичурина и других ученых этой эпохи – такие, как использование славянизмов в качестве сигналов высокого стиля (*купно, ниц, благоговейный, предавать, ибо* и др.), а также их конкуренция с элементами разговорной речи (*второй – вторый; ежели – если*), включение в текст устаревших слов и форм (*сыновнин, оный, помышлять* и др.), а с другой стороны, привлечение разговорных элементов. Чэнь Пэйцзюнь приводит и типологию грамматических форм существительных, обнаруживающих колебания в выражении отдельных категорий (числа, падежа, рода).

Весьма плодотворным является избранный диссертантом прием сопоставления одного и того же текста, вторая версия которого есть результат авторской текстовой правки (*тоlikое множество – такое множество*). Приведенные примеры изменений в тексте убеждают в том, что Бичурин придавал

большое значение работе над стилистикой и современным «речевым моделям» выражения научной информации, заботился о степени доступности текста. С другой стороны, наличие правки служит свидетельством того, что в языке науки происходят ощутимые изменения и научный стиль в меньшей степени ориентируется на использование славянизмов и лексики высокого стиля – изменяется речевая норма в целом. Диссертант последовательно останавливается на подвергшихся правке явлениях отдельных языковых уровней – синтаксиса, морфологии, словообразования, лексики. Похвальны учитываемые Чэнь Пэйцзюнь правки, вызванные особенностями диалектов китайского языка, на которых были написаны китайские издания, послужившие для Бичурина источником информации. Это свидетельствует, по мнению диссертанта, о его предельном внимании к языку-источнику и свободном им владении.

Меняется и отношение автора к видению своих функций как автора текста. Тексты, подвергшиеся правке, содержат большее количество пояснений и комментариев, предназначенных вниманию неискушенного читателя, и свидетельствует о новом способе общения с ним; о совершенствовании структуры и степени связности, логичности научного текста.

Просветительский аспект деятельности Бичурина проявляется, как показывает диссертант, в раскрытии в его статьях и Книге информации, доступной ему как специалисту и интересной, но, возможно, малопонятной потенциальному читателю, в решении задачи облегчения восприятия читателем специальных знаний – через аналогии со знакомыми и «близкими ему фактами жизни, родного языка, своей культуры».

Примечательны сделанные Чэнь Пэйцзюнь выводы об отсутствии у используемых Бичуриным в научном тексте славянизмов стилистической нагрузки и выполнении ими уточняющей функции; о роли исследователя в разработке системы транскрипции – для передачи кириллицей специфики звукового строя китайского языка.

Все сказанное говорит о том, что Чэнь Пэйцзюнь видит в исследователе не только образованного человека, опытного сиолога, талантливого публициста, но и хорошего лингвиста и образцового автора, который постоянно и всемерно ориентирован на читателя. С другой стороны, нельзя не согласиться с

диссертантом и в том, что стремление к языковой отточенности, безупречности логической формы, полноте восприятия читателем получаемой информации свидетельствуют о процессе формирования авторского идиостиля ученого, поиске им особых средств для выражения научной мысли.

Третья глава диссертации представляется важной в свете поставленной Чэнь Пэйцзюнь задачи выявления специфических черт научного стиля Бичурина. К их проявлениям диссертант относит лексическую неологику и словообразовательные инновации (*окитаиться, шелкоделие, многочадство* и др.), вклад ученого – на фоне общего неудовлетворительного состояния научного стиля того времени – в развитие терминологии отечественной этнографии и научной фразеологии. Чэнь Пэйцзюнь учитывает и такие явления, как разнообразие оценочных эпитетов, толкование и этимологизация отдельных слов, трактовка лексического значения иероглифических слов-знаков, особенности переводных соответствий (терминологически здесь далеко не всегда речь идет об эквивалентах – Чэнь Пэйцзюнь комментирует ведь и иные способы передачи содержания), особая переводческая техника Бичурина, состоящая в буквальном переводе китайских номинаций и транскрипции иероглифов кириллическими знаками, и т.д.

Несколько странной, правда, выглядит позиция 6 (*Толкование слов и выражений*, с. 89-90) в рамках общей классификации, приведенной в подразделе 3.3. «Лингвистическое комментирование как один из способов этнографического описания в работе Н.Я. Бичурина», не содержащая ни единого примера. Возникает вопрос, была ли необходимость в ее выделении.

Наиболее интересным и содержательным в третьей главе нам представляется раздел, отведенный глоссам и изобилующий примерами, демонстрирующими определенную типологию, и убедительными к ним комментариями относительно способа их включения и лексического и графического оформления, а также выполняемых глоссами функций. Чэнь Пэйцзюнь отмечает важность этой черты стиля, которую следует рассматривать, с одной стороны, как характерную для «начального этапа развития научного стиля русского языка применительно к этнографии народов Китая» (с. 100), а с другой – как проявление скрупулезности Бичурина, его стремления к достоверности, детализации описываемых фактов жизни тогдашнего Китая.

Важность обнаруживаемой у Бичурина диалогичности видится диссертанту в том, что она предстает в трудах исследователя в различных формах и с различными целями, реализуется в условиях обращения к различным категориям читателей и за счет использования разноуровневых языковых средств. Чэнь Пэйцзюнь выделяет и наиболее употребительные, излюбленные приемы Бичурина – предложения, имитирующие вопрос; я-повествование и создание эффекта присутствия автора научного текста, ориентация на интимизацию повествования. Не совсем, правда, понятно, является ли отмеченное Чэнь Пэйцзюнь в разделе 3.6. обращение Н.Я. Бичурина к авторитетным китайским источникам в целях «придания излагаемой информации большей убедительности» (с. 117) проявлением диалогичности, доверительности научного разговора с читателем.

Поставленные в диссертации задачи полностью соотносятся с ее композиционным построением, решаются в соответствующих разделах и согласуются с прозвучавшими в выводах обобщениями результатов наблюдений.

Импонирует расстановка диссертантом акцентов в отношении заслуг Бичурина, – во-первых, как новатора в области стиля этнографических исследований, что проявилось в интимизации общения с потенциальным читателем, в очевидной диалогичности; во-вторых, как филолога – переводчика, стилиста, до некоторой степени и лексикографа, считавшего нужным давать дополнительные пояснения; новатора в части способов языкового оформления результатов сделанных наблюдений. Диссертанту, таким образом, удастся доказать несомненное участие Бичурина в формировании норм научной речи, общность ряда явлений для языка науки XIX в. и произведений исследователя-этнографа, но также и яркие особенности идиостиля ученого.

Прочтение интересного и содержательного текста диссертации не могло не привести к появлению некоторых вопросов. Например:

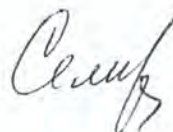
1. Случайно ли отсутствие упоминания глагольных форм в разделе, освещающем типичные для научного стиля в целом и идиостиля Бичурина, в частности, колебания в выражении отдельных грамматических категорий (вида, спряжения и т.д.) или вариантность в глагольных формах не столь явно выражена (возможно, отсутствует)?

2. Исходя из каких показателей можно говорить об очевидном влиянии трудов Бичурина на формирование языка научного стиля той эпохи в целом и языка этнографической науки, в частности? В чем это проявилось и можно ли проследить некоторую преемственность, если учитывать более поздние труды этнографов?

Поставленные вопросы и высказанные отдельные замечания ни в коей мере не снижают положительного впечатления от работы и не отрицают признания очевидных заслуг диссертанта.

Диссертация Чэнь Пэйцзюнь на тему «Стиль научных трудов Н.Я. Бичурина («Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Чэнь Пэйцзюнь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
д.ф.н., профессор, и.о. зав. каф. русского
языка для гуманитарных и естественных
факультетов



Е.И. Селиверстова

27.05.2019